

УДК 811.161.1'373.232.1 (477.74)

Н. Л. Швецова

ЯЗЫКОВАЯ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ ПРОЗВИЩ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ)

Н.Л. Швецова

МОВНА ТА АКСІОЛОГІЧНА ІНФОРМАТИВНІСТЬ ПРІЗВИСЬК (НА МАТЕРІАЛІ РОС-

ІЙСЬКИХ ОСТРІВНИХ ГОВІРОК ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ)

В статті розглядається інформативність прізвиськ жителів російських селищ – носіїв російських острівних говірок Одеської області – з точки зору розкриття ними концептуально-мовної картини світу російських діалектоносіїв, визначається мовна приналежність основ прізвиськ та їх значення як мовна інформативність.

Ключові слова: прізвисько, російські острівні говірки Одеської області, мовна картина світу.

Н. Л. Швецова

ЯЗЫКОВАЯ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ ПРОЗВИЩ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматривается информативность прозвищ жителей русских сел – носителей русских островных говоров Одесской области – с точки зрения раскрытия ими концептуально-языковой картины мира русских диалектоносителей, определяется языковая принадлежность основ прозвищных имен и их значение как языковая информативность.

Ключевые слова: прозвище, русские островные говоры Одесской области, языковая картина мира.

N.L. Shvetsova

LINGUISTIC AND AXEOLOGICAL SELF-DESCRIPTIVENESS OF NICKNAMES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN INSULAR DIALECTS OF ODESSA REGION)

In this article we discuss self-descriptiveness of nicknames of russian countrymen who are informants of russian insular dialects of Odessa region from the point of view as they expose the conceptual linguistic picture of the world of dialect carriers of russian. In the article we also define linguistic belonging of the bases of nicknames and their meaning as linguistic self-descriptiveness.

Keywords: nickname, Russian insular dialects of Odessa region, linguistic image of the world.

Русские поселения на территории Одесской области возникли более двухсот лет назад в период массовой колонизации земель Северного Причерноморья. В отрыве от основного материнского диалектного массива русские переселенческие говоры, преимущественно курско-орловские, оказались в тесном разноязычном окружении украинцев, болгар, молдаван, гагаузов, румын, немецких колонистов, также пришедших на свободные земли Юга Украины в середине XVIII – начале XIX веков. С этого момента система русских говоров начинает самостоятельную «жизнь», развиваясь по собственным внутренним законам в условиях новой языковой среды.

Изучение говоров периода позднего заселения, каковыми являются русские островные говоры Одесщины, даёт интереснейшие материалы не только для диалектологии, этнолингвистики, культурологии, истории, но и является ключом к разработке общезыковой проблемы взаимодействия контактирующих языковых систем.

До сих пор не собранными и не изученными остаются в русских говорах Юга Украины диалектные прозвища, пласт лексики, имеющий большое научно-теоретическое и культурное значение, ярко отражающий особенности динамики развития говоров в полиязычной среде, своеобразие языковой картины мира русских диалектоносителей, историю и быт русских переселенцев.

Пропривильная прозвищная лексика в силу своей неофициальности носит массовый характер

и быстро реагирует на внешние социально-экономические и культурные изменения в жизни людей, гораздо быстрее, чем официальный диалектный лексикон. Поэтому прозвищный онимикон является богатейшим материалом для изучения феномена русских островных переселенческих говоров как наиболее подвижная и информативная материя.

Информативность прозвищ многопланова. Прежде всего, называя своих носителей, прозвища в оптимально компактном виде содержат пресуппозитивную информацию о человеке, его внешности, характере, происхождении, профессии, о целой группе людей, их общей истории, месте проживания, культурно-бытовых контактах.

Анализ прозвищ, бытующих в русских говорах Одесской области, по мотивационному значению позволяет раскрыть антропологический и психологический портреты представителей русского этноса, а также сделать вывод о значимости тех или иных жизненных процессов (бытовых, социальных и культурных предпочтений), извлечь исторически и этнографически значимую информацию о территориальных и климатических условиях проживания, характере занятий русских поселенцев, быте и экономическом благосостоянии.

Исследование русских прозвищных антропонимов показывает, что при характеристике именованного внимание в первую очередь обращено к внешнему облику человека. Прозвища создают целостный образ русских диалектоносителей: муж-

чин как людей высоких и крепких: Вася *Богатырь*, *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич* и *Алёша Попович* (трое братьев), Ваня *Баляса* – сильный мужчина (ср. *балясы* – ‘железные куски рельс и железные обломки, служащие грузом в рыбацких лодках’ с пометой *Дон*. [СРНГ вып. 2, с. 92]), Сашка *Гундя* – высокий мужчина (прозвище восходит к заимствованному из турецкой терминологии западного побережья Чёрного моря апеллятиву *гундёр* ‘длинный шест, используемый для передвижения лодки по мелководью’ [2, с. 280-283], *Кацүра* – сильный, высокий мужчина (ср. *кацүра* – *твр.* ‘дылда, верзила’ [Даль т. 2, с. 100]), а также нескладных и неопрятных: Васька *Кабан дикий* (некрасивый, неприятный мужчина), *Срѧна свѧта* (носитель прозвища ходил в грязной одежде), Сеня *Карѧпех* – мужчина низкого роста, весь в веснушках (ср. *кор•пять* – д•лать неуклюже, неум•ючи, грубо [Даль т. 2, с. 171]).

Образ женщины, в большей степени по сравнению с образом мужчины, формируется на фоне «антиидеала» – высоких, худых, сутулых либо толстых и неповоротливых представительниц женского пола: Фрося *Вопросительный знак* (сутулая женщина), Танька *Лохмонбжска* (Воласы у неё па нагах такие длинные), Нюра *Гладүха* (ср. у Даля *гладүха* ‘толстуха, дебелия баба’ с пометой *южн., зап.* [Даль т. 1, с. 353]), Дуся *Ляка* (некрасивая женщина; ср. *ляка* ‘пугало, страшилище’ [СРНГ т. 17, с. 272]). Прозвища, указывающие на внешний вид носителей, большей частью эксплицируют физические недостатки и негативно оцениваемые особенности внешнего облика: полноту и излишнюю худощавость, сутулость, неряшливость и неопрятность. Тем не менее, в сельской местности в кругу представителей старшего поколения такие именованья воспринимаются как должное. Подобное отношение к «уличным» именованьям исторически складывалось на протяжении веков ещё с дохристианских времён. А.М. Селищев отмечает: «В старое время не стеснялись в отношении прозвищ никакими значениями слов... Внимание было устремлено на отрицательные явления объективного и субъективного значения по отношению к человеку. Кличка ему давалась чаще всего по этим явлениям. Об отношении называемого лица к даваемому имени не возникало вопроса: называемое лицо получало кличку как нормальный словесный знак своего времени» [3, с. 114-115].

Прозвища, мотивированные внутренними свойствами человека: особенностями характера, поведения, привычками носителей – формируют психологический портрет русских диалектоносителей. Эта группа также многочисленна. Из всех категорий прозвищ онимы, указывающие на внутреннее содержание человеческой природы, обладают наибольшей эмоциональной нагруженностью и субъективностью. Они затрагивают самые раз-

личные стороны человеческой сущности, вербально обрисовывают подсознательно заложенный в антропонимическом пласте лексики образ «антиидеала».

В числе «осуждаемых» качеств «антиидеала» особо выделены:

1) вздорность: Фёкла *Бурчиха* (ворчливая женщина), Матвей *Блѧмба* – вспыльчивый и драчливый (от *блѧмба* ‘сильный удар кулаком, оплеуха’ с пометами *Том., Тул.* [СРНГ вып. 3, с. 34]), Ваня *Драч* (драчун; ср. у Даля *драч* в значении ‘драчун’ [Даль т. 1, с. 490]), *Прокуда* (задира; ср. в «Словаре русских народных говоров» *прокуда* – ‘воришка, драчун, пакостник’ с пометами *орл., смол., новг.* [СРНГ т. 32, с. 165]), Никифор *Бундюк* (драчун; дериват бытующего в русских говорах Одесской области уничижительного *бундюган* ‘бандит’);

2) чрезмерная болтливость и злословие: Вера *Трындычиха*, Федя *Тыртыбра* (Многа гаварит и бес талку; ср. у Даля *тыртыкать* – *вят.* ‘пустословить, пустобаять, врать’, а также *тыртыга* ‘пустобай’ [Даль т. 4, с. 448]);

3) хитрость: Варя *Отними?* (Хитрия такая, ат себя ничиво ни упустит, а у других атнять – только так), *Шарамыга* – хитрец и плут (у Даля *шеромыга* ‘шатунь и плуть, обирала, оплетала, обманщикъ, промышляющий на чужой счетъ’ [Даль т. 4, с. 629]);

4) пьянство: Ваня *Чѧпчик* (диминутив южнорусского *чоп* ‘гвоздь въ бочкѧ, затычка; крань, вертокъ, спускъ у бочки, чана’ с пометой *кур.* [Даль т. 4, с. 610]), Марфа *Зырька* (ср. у Даля *зыря* ‘пьяница, питухъ, зюзя’ [Даль т. 1, с. 697]).

Недостойными считаются также суетливость, жадность, лень, самолюбие, упрямство и другие качества человека.

Следует отметить, что экспрессивно-ироническая прозвищная оценка в русских переселенческих говорах Одесщины носит ярко выраженную потенциально-прагматическую направленность: указывает на отношение к подчёркиваемым, прежде всего негативным особенностям именуемого и необходимость физического и духовного самоусовершенствования.

Наряду с историческими фактами прозвища прямым или косвенным образом отражают события лично-бытового и общественно-политического характера. Так, опираясь только на прозвища жителей села Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области, можно восстановить отдельные факты истории некрасовских старообрядцев:

1) село расположено в нескольких километрах от реки Дунай (коллективно-территориальное прозвище жителей села *Кобловые* (от *кѧблы* – южнорус. ‘островки на озерах, образовавшиеся из наносной земли вокруг вывороченных с корнями ольховых деревьев’ [СРНГ т. 14, с. 15]), Гриша *Сага*

(от *сага* – южнорус. ‘речной разлив, сырая низкая пойма, длинный песчаный мыс, коса’ [СРНГ т. 36, 16]), Иван *Лиманец*, Сашка *Бережной*);

2) сельские жители занимались преимущественно рыболовством или были связаны с речным промыслом (*Таранки*, Парамон *Гюличка*, *Парицики* (от *парщик* ‘член рыболовецкой артели, вбивающий в дно реки кол, к которому привязывается лодка’ [СРНГ т. 25, с. 250]), Тёма *Лбодчик*);

3) жители села тесно контактировали с иноязычными соседями (*Молдаванка*, *Холмушка*).

Как единицы языковой системы «уличные» они также информативны с точки зрения их происхождения. Глубинное осознание себя как представителей русской нации определило специфику проявления «фактора сознательного регулирования языкового процесса в условиях взаимодействия диалектов» [1]: сохранило исконно русскую материнскую основу русских островных говоров Одесской области, избирательно воспринимая и осваивая необходимые иноязычные и инокультурные элементы.

В сложившихся исторических условиях бытования русских говоров Юга Украины лексическое заимствование – закономерный и продуктивный процесс пополнения системы русских островных говоров, который находит отражение в прозвищном словотворчестве. Иноязычное влияние выражается в первую очередь пополнением корневых морфем в структуре прозвищ, восходящих к освоенным заимствованиям из украинского, болгарского, молдавского, румынского языков и говоров. Например, *Центарь* (г. Вилково) – прозвище язвительного человека, отпускающего острые шутки (от рум. *țonțar* ‘комар’ [РРС]); Паша *Цуйчиха* (с. Приморское) – «уличный» оним владелицы небольшой винной забегаловки на дому (восходит к заимствованию из румынского языка *цуйка* ‘сливовая водка, самогон’; рум. *țuica* [РРС, 876]); Дonya *Каруца* (с. Александровка) – полная, широкобедрая женщина с медлительной, важной походкой (от молд. *каруцэ* ‘телега, подвода’ [МРС, 340]); Гоша *Градинар* (с. Павловка) – прозвище трудолюбивого огородника (от болг. *градинар* ‘садовник, огородник’ [БРС, 97]). Близкое языковое родство с украинским языком объясняет количественное преимущество прозвищ, восходящих к украинизмам (Гришка *Кыця* (с. Павловка) – человек с протяжной, вкрадчивой манерой разговаривать; Яша *Сёрник* (с. Александровка) – вспыльчивый мужчина; *Вовк* (г. Вилково) – отфамильное прозвище Ивана Волкова). Соотношение количества заимствований в говорах старообрядческого и нестарообрядческого толка показывает конфессиональную замкнутость русских староверов, избирательность и преданность традициям предков. Но ценность лексических апеллятивных и онома-

стических материалов заключается не столько в новых элементах (заимствованиях и исконно русских локализмах), а в отражении устойчивости исконной, материнской системы русских островных говоров, что является важнейшей тенденцией развития русских говоров в полиязычном окружении Одесщины.

Функционирование прозвищ в кругу разных возрастных поколений в целом дает представление об общечеловеческих тенденциях развития русских говоров на современном этапе. Архаизируется диалектная лексика, и в речи молодёжи бытуют прозвища восходящие большей частью к общенародному литературному языку, молодёжному жаргону или просторечию: Сашка *Немец*, Сашка *Лис*, Димка *Кардинал*, Вера *Трындычиха*, Валька *Лучеглазая*, Настя *СМСка* (школьное прозвище-аббревиатура, объясняемое как «самое милое солнышко»), Ваня *Цаца* (прозвище самолюбивого юноши). Диалектные основы продолжают употребляться в составе родовых уличных фамилий, передающихся из поколения в поколение, зачастую с затемненной внутренней формой, и в прозвищах пожилых людей: *Рёхонцы* – коллективно-территориальное прозвище жителей с. Новая Некрасовка (*Рёханцы*, эта значить, разговорная речь у них такая, ане, им дали, значить, кабан рёхайть; в «Словаре русских народных говоров» *рёхать* и *рэхать* ‘хрюкать’ с пометами *свердл., пенз., казан., вят., новг., арх., перм., том.* [СРНГ т. 35, 78]), Максим *Кобловой* (житель Вилково, приехавший из Старой Некрасовки), *Кобловыха* (его жена), *Коблышко* (их сын), *Манушки* (Артём *Манушка* (мужчина, одевавший для косьбы камыша *мохнушки* ‘грубые вязаные рукавицы’ [СРНГ т. 18, 310-311]), Таня *Жамка* (ономатизация курского *жамка* ‘печенье’ [СРНГ вып. 9, 69]).

Изучение регионального своеобразия прозвищных именовании Юга Украины представляет научный интерес как в свете проблемы территориальной дифференциации ономастической лексики, так и в раскрытии региональной языковой картины мира русских диалектоносителей. Прозвища отражают особенности функционирования русских островных переселенческих говоров Одесской области как сложного языкового и этнокультурного процесса взаимодействия и взаимопроникновения разных языков и культур, как близкого, так и более дальнего родства, а также глубоко раскрывают аксиосистему мировоззрения русских переселенцев и их потомков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения языка и диалекта) /Л.И. Баранникова. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1967. – 206 с.

2. Мотузенко Е.М. Этимология и семантика / Е.М. Мотузенко. – Кишинёв: VESTOR, 2006. – 368 с. Т.1-4.
3. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ / А.М. Селищев// Избранные труды. – М., 1968. – С. 97-128. МРС – Молдавско-русский словарь: 40000 слов. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. – 780 с.
- БТС – Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. Около 58000 слов / С.Б. Берштейн.– 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1975. – 768 с. РРС – Румынско-русский словарь: 42000 слов/ Под ред. Андрианова Б.А. и Михальчи Д.Е. – М.: ГИИНС, 1954. – 975 с.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка /в.и. Даль. – М., 1955. – СРНГ – Словарь русских народных говоров/ Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.-Л.: Наука, 1965-2002. – Вып. 1-36.